

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Отечественная история

УДК 94(574)

DOI 10.37386/2413-4481-2025-3-74-79

Эстелла Артуровна Абдуллина

Школа-гимназия № 75, г. Астана, Казахстан, estart@mail.ru

АНАЛИЗ ДЕВИАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В АКМОЛИНСКЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности пенитенциарной системы и систематизированы акмолинские бытовые преступления. Через эти категории девиация рассмотрена как элемент пространства повседневности; особенности преступлений Акмолинска в конце XIX — начале XX века выступают в качестве маркеров городской среды. В статье приводятся архивные материалы из Государственного архива Акмолинской области (ГААО) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Встречающийся в цитируемых источниках этноним «киргизы» соответствует современному этнониму «казахи».

Ключевые слова: Акмолинск; городская повседневность; девиация; тюрьма; преступление; поджог; кража.

Estella A. Abdullina

School-Gymnasium № 75, Astana, Kazakhstan, estart@mail.ru

ANALYSIS OF DEVIATION AS AN ELEMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT IN AKMOLINSK IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. This article examines the features of the penitentiary system, systematizes domestic crimes committed in Akmolinsk in the late 19th and early 20th centuries, and analyzes the causes of the increase in domestic crimes related to violence. Through these categories, deviation is interpreted as an element within the space of everyday life; the specific characteristics of crimes committed in Akmolinsk at the turn of the century act as markers of the urban environment. The ethnonym “Kirghiz” found in the cited sources corresponds to the modern ethnonym “Kazakhs”.

Keywords: Akmolinsk; urban daily life; deviation; prison; crime; arson; theft.

Тема преступности как элемента городской среды является слабоизученной в историческом городоведении. Изучение происшествий и преступлений, которые характеризовали бы повседневный быт российских городов, очень мало. Изучению городской среды через разные социальные институты, в том числе и через правонарушения, посвящены исследования Т. Кискидосовой и А. Каменского. В монографии Т. Кискидосовой «Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам сибирских газет)» на примере Енисейска, Кяхты, Минусинска и Красноярска рассматриваются вопросы организации полицейской службы, основных видов преступлений в городах, роль деклассированных элементов [1].

А. Каменский изучал повседневную жизнь Бежецка (Тверская область), анализируя конфликты, происшествия и преступления в городе. В фокусе криминальных происшествий рассматривается городская среда через основные городские места – кабаки, лавки, улицы и площади; субъекты конфликтов – горожане, чиновники, крестьяне;

анализируются лексические особенности горожан XVIII века; причины и способы урегулирования конфликтов; девиантное поведение горожан и места отбывания наказания [2].

Если преступления против власти представляют большой интерес [3], то преступления как фон городской культуры носят чаще всего сугубо прикладной к юридической науке характер. А. Данчевской анализируется статистика убийств в Иркутской и Енисейской губерниях [4], возрастающая из-за притока ссыльных в регион; О. Дворянкин и Е. Никитина анализируют особенности преступности в России в начале XX века в целом [5], не выделяя ее как характеристику городского пространства; М. Пулькин рассматривает преступность в разрезе Олонецкой губернии в начале XX века [6], также не выделяя особенности повседневной жизни Петрозаводска и уездов; диссертация М. Смирнова «Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века: 1861–1917 гг.» посвящена старым и новым формам преступности в империи, вопросам кор-

рупции, политическим и уголовным делам в пореформенный период [7]. Однако объектом исследования М. Смирнова являются отечественные преступные группы и отдельные правонарушители, тогда как объектом нашего исследования становятся преступления как компонент истории повседневности. Объектом исследования М. Альмухаметовой является правоохранительная система Западной Сибири в период с 1864 по 1917 год [8]. Е. Крестьянников, изучая преступность в Западной Сибири, фокусирует интерес на полиции и чиновниках в Томске [9]. Перед нами не ставится задача проследить эволюцию преступности в Акмолинске и других уездных городах Акмолинской области, но проследить бытовую жизнь горожан через призму нарушений закона.

Как отмечает О. Звизжова, объем, интенсивность, структура, динамика и характер преступности связаны с уровнем культуры, социально-экономического развития, быта и досуга населения [10], то есть совершенные в городе преступления и происшествия являются отражением социокультурного пространства изучаемого города.

В данном исследовании рассмотрены объекты и субъекты пенитенциарной системы Акмолинска и других уездных городов Акмолинской области, представлена статистика совершаемых преступлений в изучаемый период и приведен фактический материал о преступлениях из местных газет, характеризующих уровень культуры и социально-экономическое развитие жителей Акмолинска и уездных городов.

В соответствии с Временным Положением 1868 года в 1873 году в Акмолинске исполнял обязанности полицейский пристав [11], в помощь которому не были приданы ни канцелярский чиновник, ни полицейский служитель. Тогда как население города составляло около 5 000 человек, но во время проведения Константиновской ярмарки количество населения в Акмолинске доходило до 20 тыс. Естественно, что город нуждался в благоустроенной полиции. Областные власти настаивали на объединении уездной полиции и уездного начальства в одном лице из-за того, что «в населении города значительную часть составляют казаки, в ярмарочное время – киргизы, и те, и другие подчинены уездному начальнику» [12, л. 1]. В результате полицейская служба была расширена до пристава, письмоводителя, двух полицейских надзирателей, старшины и 12 служителей. Решением генерал-губернатора на содержание полиции

в Акмолинске из казны выделялось 1 800 рублей (годовой оклад полицейского пристава), остальные средства планировалось изыскать за счет Акмолинского городского общества [12, л. 2]. Удивительно, но годовой оклад полицейского пристава в Пензе (в губернском, в отличие от Акмолинска, городе) в 1906 году составлял всего 770 рублей [13]. Уездная тюрьма в Акмолинске впервые начинает фигурировать в документах с 1895 года [14]. В предыдущие 25 лет (обзор Акмолинской области позволяет проследить наличие пенитенциарных учреждений с 1870 года) тюремный замок существовал в Петропавловске, в Акмолинске и, скорее всего, в Кокчетаве – военная гауптвахта. В 1890 году здания Акмолинской и Кокчетавской военных гауптвахт были приспособлены под тюрьмы, каждая на 15 человек. Гауптвахта в Акмолинске учреждалась в то время, когда Акмолинск функционировал как военное укрепление, но с развитием Акмолинска как города нужда в военном учреждении отпала, а в гражданском пенитенциарном органе увеличилась, было принято решение передать здание гауптвахты гражданской администрации Акмолинска [15].

При этом тюрьмы были переполнены – в акмолинской тюрьме число заключенных доходило до 50, в Кокчетавской – до 70 человек, что приводило к элементарной нехватке воздуха /в камерах/, как отмечается в Обзоре 1895 года, «среднее кубическое содержание воздуха в некоторых камерах не превышает 2/3 сажени на арестанта» [14]. В Обзорах упоминаются «приудобные гигиенические условия». Преступники содержались в соответствии с родом совершенных преступлений, полом и возрастом. Арестанты «снабжаются столом, одеждою и обувью согласно расписания Тобольского губернского комитета попечительного о тюрьмах, на что в Петропавловский замок отпущено 2 687,33 руб. в Акмолинске и Кокчетаве арестанты получают в сутки 9 копеек». Бытовые особенности жизни арестантов в Акмолинске в конце XIX века нам неизвестны, но вряд ли эти особенности отличались сильно от омских – для подстилки арестантам выдавались кошмы, на городские работы выходили ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней, работа на нужды города оплачивалась в размере 3 копеек в день, деньги выдавались по выходу из острога. Жены арестантов стирали и штопали белье за плату 300 штук по 1 рублю, 1 раз в неделю 4–6 арестантов мыли бесплатно пол в городском полицейском управлении [16]. В начале XX века регуляр-

ными становятся ежегодные объезды территории Акмолинской области военным губернатором. Обязательной точкой посещения губернатора являлась городская тюрьма. В 1903 году в отчете об этой поездке записано: «Помещение арестного дома темновато, но просторно и содержится чисто. Тюрьма старая и гнилая (содержится 48 муж.). Караулка светлая, но сырая. В тюрьме просторно, нары содержатся чисто. Обед с $\frac{1}{2}$ фун. мяса, утром и вечером чай без сахару. В день отпускают 2 фун. хлеба. Пища и хлеб хороши. (В подспорье казенному отпуску служит выручка за переправу через р. Ишим в питомник; таксы нет, но перевозимые добровольно жертвуют в кружку. Паром содержится тюрьмой). Одежды казенной на арестантах нет, для надзирателей также не получено. На отопление и освещение до сих пор не получено. Кухня и кладовая в порядке. Лошадь не имеет навеса. Забор (часток) сгнил снизу и с одной стороны от ветра качается. Надо сделать снаружи подпорки. Начальнику уезда возбудить переписку о ремонте и о скорейшей высылке из Омска одежды для заключенных» [17]. Но уже во время следующей инспекционной поездки в 1904 году военный губернатор отмечает, что в тюрьме Акмолинска «всюду образцовая чистота и порядок. 49 арестантов мужчин (и 1 женщина). Просторно. Пища хорошая, наваристая с приправами. Плохой шатающийся забор исправили своими средствами (израсходовали лишь на инструмент 75 рублей), спилив часть кольев снизу и затем закопав вновь в землю – простоит лет 7, а то и более.

Отхожее место в порядке (чистят арестанты, для чего имеется особая возка с лошадей). Арестанты одеты чисто, хотя носят свое белье и одежду. Арестный дом также темноват, но просторен и содержится в чистоте (1 арестов.)» [18].

Исследователь Сибири Петр Головачев так описывает акмолинскую тюрьму: «У ворот острога стоит единственный часовой. Внутренность тюрьмы не имеет ничего устрашающего: длинный деревянный дом, разделенный коридором с камерами по обе стороны. Выпускаемые на прогулку могут свободно переговариваться со знакомыми через широкие щели палей. В кухне хлопочут два повара-киргиза. У самых палей брошена пила. Такая тюрьма ни на минуту не удержала бы опытного преступника, но акмолинские арестанты, почти исключительно киргизы, спокойно валяются по нарам и не думают о побегах» [19]. Однако случаи побега все же были. 17 ноября 1901 арестанты акмолинской тюрьмы Егор Ерёмин и Джанабай Джадыгеров, разобрав пол, подпольем прошли в женскую камеру и в момент появления в ней были задержаны надзирателями и караульными солдатами [20].

Все бытовые происшествия, случающиеся в уездных городах, условно можно разделить на категории: кражи, убийства, причинение смерти по неосторожности, поджоги. В основном количество бытовых преступлений возрастает пропорционально росту населения области, что мы можем проследить (рис. 1) на примере преступлений, связанных с нанесением увечий и насилием над женщинами.

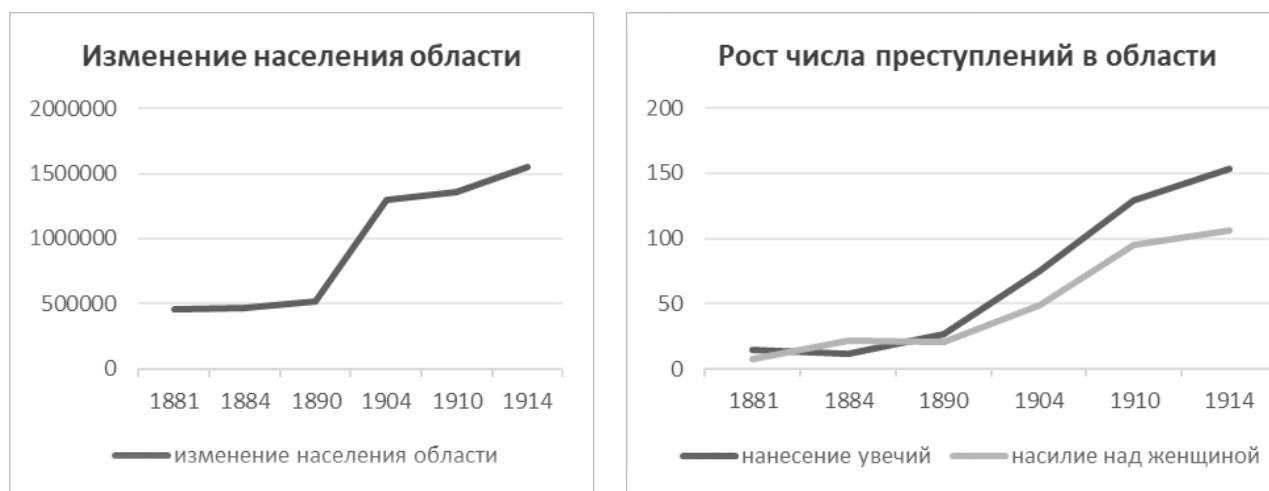

Рис. 1. Диаграмма роста населения Акмолинской области и роста преступлений, связанных с нанесением увечий и насилием над женщинами, год/количество (составлено автором на основании Обзоров Акмолинской области за 1881–1914 гг.)

Однако рост населения области во многом происходил искусственно, за счет переселения крестьян из европейской части губернии. А. Кауфман, изучавший вопросы землевладения в Сибири, отмечает, что в процессе переселения качественный состав переселенцев изменяется к постепенному повышению безлошадных и понижению благосостояния переселенцев [21, с. 208]. В монографии А. Кауфман приводит слова экономиста В. Григорьева, который, анализируя качественный состав переселенцев, упоминает, что в Сибирь «едет с родины бедняк и пропойца» [21, с. 205]. Можно предположить, что рост изнасилований, убийств, побоев и краж в Акмолинской области увеличивается многократно из-за притока маргинального населения.

Убийства в Акмолинске и других уездных городах совершались редко, но события полны драматизма. 31 марта 1895 г. акмолинский мещанин Аблаков столкнулся с плотинами в пруд своего работника мещанина Нурмухаметова и затем, когда последний справился и стал приплывать к берегу, он начал бросать в него привезенным для запруды дерном, чтобы захлестать водой. Утопающий закричал о помощи и был спасен мельником Романенко. Романенко уверяет, что Аблаков почему-то постоянно преследовал Нурмухаметова [22]. 20 апреля 1895 г. покушался на убийство своей жены проживающий в Акмолах крестьянин Уфимской губернии Увалий Мазитов. Причина – неверность жены [22]. 4 октября 1900 г. в Акмолинске за старым кладбищем нашли труп киргиза Байгожи Бердыгожина, застреленного в левую часть груди [23]. В городе Акмолинске в ночь на 10 октября у мещанина города Акмолинска Абрамова похитили лошадь. При задержании с этой лошадью цыгане Лупанов и Золотарёв поранили трех мещан Абрамовых, из коих Дмитрию Абрамову выпустили кишки [24]. Лошади становились часто объектом преступлений, «в Акмолинском уезде много конокрадов. В прошлую зиму украли лошадь у самого уездного начальника» [25], «в ночь на 14 марта 1883 года у отставного солдата Мардуха Ложевского из двора, через взлом замка, выкраден рыжий жеребец 2 лет. В краже есть заподозренное лицо» [26].

В газетах упоминалось сокрытие рождения мертвого незаконнорожденного ребенка Марией Сабитовой, дочерью акмолинского мещанина 6 июня 1900 года [27].

Популярны были и поджоги. 7 августа 1900 г. у мещанина Акмолинска Михаила Анисимова за-

горелось сено вследствие горячей золы, высыпанной к забору соседкой его, крестьянкой Агафьей Ларцевой [28]. 14 декабря 1904 г. в Акмолинске в чулане дома киргиза Акмолинской волости Биржана Джумагулова найден кусок жерди, наполненной внутри ватой и бумагой, а сверху жерди положена береста и щепы; сам же кусок жерди облит керосином. Подозрение в намерении совершить поджог заявлено на бывшую жену Джумагулова Калию Тлеову и киргиза Кытайбека Чопабаева [29].

Достаточно часто в архивных материалах встречается имя уездного судьи коллежского секретаря Константина Евдокимовича Тартышева. В 1894 году в Акмолинске разгорелся скандал в связи с удалением из Акмолинского клуба волостного управителя акмолинским уездным начальником подполковником Троицким. В своем рапорте на имя военного губернатора Акмолинской области Троицкий пишет о том, что «помимо картежной и азартной игры в это лето практиковалось еще и спаивание: под патентом клуба явился кабачок с самыми скверными началами, содержанием же кабака оказался акмолинский судья г. Тартышев. Последний даже отказывался от уплаты нижним чинам полиции денег единственно за то, что один из них, зная свои обязанности, отказался на требования Тартышева стать за прилавок для распродажи билетов» [30]. А так как рапорт стал ответом на разбирательство, начало которому положила заметка А. Шерстобитова «Дело об удалении одного киргиза из Акмолинского клуба» [31], то уездный начальник указывает на судью Тартышева как главного редактора письма Шерстобитова (Шерстобитов в рапорте обозначен как незакончивший Томскую семинарию псаломщик, изгнанный из семинарии за то, что «развалился на портрете Государя Императора в шубе, галошах и с папиросой в зубах, удаленный в Акмолинск именно за газетные пасквили»). В 1906 году его имя упоминалось в списке избирателей выборщиков в Городскую Думу Акмолинска как омского нотариуса, имеющего недвижимость в Акмолинске. Тартышев открыто сожительствовал с женой акмолинского мещанина К. Бобровского. Последний по этому поводу обращался с жалобами в вышестоящие инстанции [32, с. 129].

С началом национально-освободительного движения 1916 года, связанного с призывом казахов на тыловые работы, совершается ряд преступлений против представителей власти, которые расценивались двойственно – как против

чиновников или как против русских. Акмолинск в это время представлял собой полиэтнический город, в котором в 1897 году проживало 31 % казахов и 48 % русских [33], но имел тенденцию к сокращению русского (до 25 % в 1915 году) и увеличению казахского населения (до 35 % в 1915 году) [34]. В августе 1916 года был задержан судья Нуриной волости Акмолинского уезда Абень Джусупов за захват писаря Ивана Лобанова и стражника Тупицына. В протоколе допроса в ноябре 1916 года особенно указывалась необходимость выяснить, совершено ли нападение на Лобанова и Тупицына «как на русских и на почве возникшей вражды к ним в связи с Высочайшим указом о призыве инородцев на тыловые работы, а не как на представителей власти, предлагаю предъявить Джусупову обвинение по 269 ст. Уложения Наказаний» [35]. В январе 1917 года Лобанов противоречиво напишет в протоколе, что «киргизы у меня ничего не отбирали, не били, они нас доставили в аул отца Абеня Джусупова, причем Абень говорил: если ты /не читаемо/ в городе – мы тебя убьем, продержали меня у себя Абень Джусупов и Джусуп, его отец (фамилии не знаю, содержится в тюрьме), до часу дня. В плену я пробыл часов 9. Из их ко мне обращения я понял, они задержали нас не

как писаря и стражника, а просто как русских, с которыми они воюют, никаких /не читаемо/ бумаг они у нас не искали, лично меня они хорошо знали как писаря, а Тупицына как стражника, да он и был в форме. Утверждать, что они задержали меня просто как русского, я не могу, наоборот, даже они говорили, что не пустят меня в Акмолинск, а повезут в волость на место моей службы. Когда меня задержали киргизы, то молодежь хотела нас побить, говоря: “русских надо бить”, их от этого задержали старшие. Киргизы говорили: “Вы пришли брать лошадей, а затем и нас. Мы не дадим, побьем русских”».

Таким образом, изучение городской среды даже через такие малоизученные социальные институты, как уровень преступности и отношение городских властей к правонарушителям, позволяют нам проследить особенности социокультурного пространства Акмолинска. Преступность в Акмолинске отражала общие социально-экономические проблемы региона (переселенческая политика, слабость правоохранительной системы). Тюремные были переполнены, но реформы конца XIX – начала XX века немного улучшили условия. Национальный состав арестантов и специфика преступлений характерны для степного города с кочевым населением.

Список источников

1. Кискидосова Т. Города Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам сибирских газет). Красноярск, 2023. 432 с.
2. Каменский А. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. 403 с.
3. Ябанджи И. Расследование дел о государственных преступлениях в Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 173–176.
4. Данчевская А. Убийства в Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6. С. 291–296.
5. Дворянkin О., Никитина Е. Преступность в Российской империи в начале XX века с учетом сотрудников полиции // Национальная ассоциация ученых. 2023. № 88-2. С. 37–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-rossiyskoy-imperii-v-nachale-hh-veka-s-uchetom-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 25.10.2024).
6. Пулькин М. Российская преступность в начале XX века (по материалам Олонецкой губернии) // Политика, государство и право. 2013. № 11. URL: <https://politika.snauka.ru/2013/11/1051> (дата обращения: 25.10.2024).
7. Смирнов М. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX — начале XX века: 1861–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006. 221 с.
8. Альмухамедова М. Правоохранительная система в Западной Сибири и местное общество: опыт взаимодействия и взаимовлияния (1864–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 210 с.
9. Крестьянников Е. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 84–99.
10. Звизжова О. Эволюция преступности на различных этапах развития общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 254 с.
11. Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб., 1883. 50 с.
12. ГААО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 23.
13. Гарбуз Г. Пристав — основное звено в аппарате провинциальной полиции в начале XX в. // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pristav-osnovnoe-zveno-v-apparate-provintsialnoy-politsii-v-nachale-hh-v> (дата обращения: 17.12.2024).

14. Обзор Акмолинской области за 1895 год. Омск, 1897.
15. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. I. Д. 7017. Л. 14–17.
16. ЦГА РК. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.
17. Акмолинские областные ведомости. 1903. № 25.
18. Акмолинские областные ведомости. 1904. № 30.
19. Головачёв П. В уголках Степного края // Сибирская жизнь. 1900. № 33.
20. Акмолинские областные ведомости. 1902. № 1.
21. Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 452 с.
22. Киргизская степная газета. 1895. № 24.
23. Акмолинские областные ведомости. 1900. № 33.
24. Акмолинские областные ведомости. 1906. № 7.
25. Киргизская степная газета. 1900. № 12.
26. ГААО. Ф. 430. Оп. 32. Д. 39. Л. 2.
27. Акмолинские областные ведомости. 1900. № 30.
28. Акмолинские областные ведомости. 1900. № 37.
29. Акмолинские областные ведомости. 1904. № 11.
30. ГААО. Ф. 430. Оп. 32. Д. 46. Л. 5.
31. Степной край. 1893. № 49.
32. Касымбаев Ж., Агубаев Н. История Акмолы (XIX – начало XX веков): исследования, источники, комментарии. Алматы, 1998. 172 с.
33. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Глава LXXXI. Акмолинская область. Таблица XIV / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 135 с.
34. Обзор Акмолинской области за 1915 год. Омск, 1917.
35. ЦГА РК. Ф. 246. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025; одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 23.06.2025.

The article was submitted 23.02.2025; approved after reviewing 05.06.2025; accepted for publication 23.06.2025.